

Шэнь Цинжань принялся поднимать перевернутые столы и стулья. Один из табуретов, который и прежде жалобно поскрипывал при каждом движении, после сокрушительного пинка бандитов лишился доброй половины ножки.

Парню ничего не оставалось, кроме как жестом предложить Чан Баю присесть в инвалидное кресло и немного перевести дух.

Чан Бай замахал руками: «Да помилует меня небо! Это же личный трон самого генерала! Ни за что не сяду».

Шэнь Цинжань налил ему пиалу горячего чая, а сам поспешил в комнату, дабы поскорее переодеться обратно в женское платье. Он ума не мог приложить, какими глазами этот парень на него смотрел, но раз уж тот не раскусил его истинный пол, то безопаснее и дальше притворяться девицей.

Что же касается его «двоюродного брата», внезапно возникшего из небытия, то вся эта деревенская шваль, получив суровую трепку, из чувства вины и страха вряд ли когда-нибудь рискнет заикнуться о нем.

Увидев, что супруга генерала совершенно естественно и непринужденно скрылась в покоях его господина, Чан Бай преисполнился благоговейного восторга и с утроенным рвением принялся чинить разломанную мебель.

«Вы только посмотрите на них! Они уже и одежду в одной комнате держат!»

Намертво скрепив ножку табурета, парень дождался, пока Шэнь Цинжань выйдет к нему, еще раз многозначительно шепнул, что в комнате мужа припрятаны отличные целебные снадобья, и поспешил откланяться. Ему кровь из носу нужно было поддерживать образ «благородного странствующего рыцаря», и задерживаться дольше положенного не следовало, дабы не вызвать у Шэнь Цинжаня лишних подозрений.

Шэнь Цинжань не знал, как отблагодарить своего спасителя без единого слова, а потому прибег к проверенному крестьянскому методу — начал совать ему в руки съестные припасы. Человеку, скитающемуся по городам и деревням, лишняя провизия в дороге никогда не помешает.

Чан Бай принял свертки с вяленным мясом и пирожками, и его глаза едва не налились слезами. Позвольте, но разве это не та самая солонина, которую он самолично доставил сюда третьего дня?!

Сделав на прощание эффектный и вольный взмах рукавом, воин скрылся за ближайшим поворотом, после чего стремительно взлетел на дерево и затаился в густой чаще на склоне горы, прямо за домом Ли Фэна, готовый нести круглосуточную вахту.

*

Шэнь Цинжань впервые в жизни напрочь позабыл о своей извечной лени. Пересиливая ломоту и боль во всем теле, он принялся за генеральную уборку.

Парень смертно боялся, что Сюэ Фэйфэн, как и в прошлый раз, вернется раньше назначенного срока, застанет в доме полный разгром, окончательно в нем разочаруется и выставит вон.

Движимый этим страхом, Шэнь Цинжань совершил настоящий трудовой подвиг — проявив

скрытые таланты, он умудрился даже поваленный забор вернуть на законное место и укрепить его.

Наводя порядок, он непрестанно думал о том, что если ему удастся вернуть дому первозданный вид, то сегодняшний день можно будет считать вполне успешным. А уж воспоминание о том, как знатно разукрасили лица этим социальным отбросам, и вовсе грело ему душу, заставляя блаженно улыбаться.

На следующее утро к нему заглянула тетушка Чжан, чтобы попрощаться. Они с невесткой за последнее время нашли несколько десятков пар прочных полотняных туфель и теперь собирались отвезти их на продажу в уездный город. Поездка обещала затянуться на два дня, поэтому женщина решила заранее разузнать, не требуется ли парню чего-нибудь в лавках.

— Слыхала, вчера братьев Ли какая-то неведомая сила так разукрасила — живого места на лицах нет! Теперь оба сиднем сидят в избе у Цай и носа на улицу не кажут, раны зализывают. А уж как Цай с самого утра на всю деревню костерила того лиходея — святых выноси! — Тетушка Чжан не смогла удержаться от сочных сплетен.

Братья Ли давно уже были притчей во языцех: бездельники и воры, у которых вся деревня плакала от украденных овощей, да только управы на них никто найти не мог.

У Шэнь Цинжана от этих слов сладко заныло под ложечкой, и в его голове созрел дерзкий план — отправиться в город вместе с соседкой. Единственной причиной, удерживавшей его в этой глуши, была охрана плантации тростника. Но теперь, когда местных хулиганов превратили в покорных шелковых внучат, в ближайшее время совершать набеги они точно не рискнут.

Да и вчерашний погром наглядно доказал: столкнись он лицом к лицу с бандой отъявленных мерзавцев, то будь он хоть трижды прописан на этой плантации, никакой реальной угрозы он для них не представит. Негодяй просто отберут у него всё подчистую.

У Шэнь Цинжана были свои, сугубо практические расчеты. Пять му сахарного тростника — это огромный объем. Даже если он будет оберегать каждый стебель пуще зеницы ока, в конечном итоге его ждет та же плачевная участь, что и старика Суня: товар попросту сгниет на корню, потому что его некому продавать.

А значит, пришло время выйти из леса и заняться поиском оптовых покупателей.

Раз уж из него не вышло образцового фермера, нужно реализовывать свои таланты в коммерции. Парень рассуждал здраво: «Если я смогу выгодно сбыть весь тростник и принесу в дом звонкую монету, Сюэ Фэйфэну больше не придется надрываться на тяжелых подработках, да и деревенские кумушки перестанут шептаться за его спиной, будто он подкаблучник у нищей приживалки».

Главная загвоздка заключалась в том, как объяснить всё это тетушке Чжан.

Он ведь официально немой и связать двух слов не может.

Что ж, значит, придется разыграть карту партизана: тихонько пристроиться следом и действовать автономно.

*

Тем временем план Сюэ Фэйфэна по зачистке бандитского логова продвигался строго по

часам.

В тот момент, когда предводитель речных разбойников Цао Тунфан лениво обходил дозором свои водные владения, прямо с небес к его ногам плавно опустился тонкий лист бумаги. На нем красовался великолепный портрет прекрасной девы — лик её был столь эфемерен и чист, словно принадлежал истинному небожителю.

В левом нижнем углу изящным каллиграфическим почерком было выведено печальное стихотворение, а сама бумага была покрыта едва заметными разводами от слез, будто прекрасная незнакомка рисовала этот шедевр, заливаясь горькими слезами.

В груди похотливого бандита мгновенно вспыхнуло яростное пламя вождения:

— Это еще что за дева?! Кто посмел утаить от меня подобное сокровище?!

Все мало-мальски миловидные девицы из окрестных прибрежных сел давно либо сбежали куда глаза глядят, либо уже успели побывать в лапах Цао Тунфана.

— Не имеем понятия, командир, — в один голос отозвались прихвостни.

Разбойник опросил еще нескольких человек, но никто из его банды отродясь не видел этой красавицы. От этого неведения Цао Тунфан окончательно потерял покой — ему казалось, что если эта дева прямо сейчас не спустится к нему с небес, как на этой чертовой картинке, он сойдет с ума.

— Тут на обратной стороне стих записан! — вдруг зычно крикнул один из мелких прихвостней.

— Я в детстве буквам обучен был, могу разобрать!

— Читай живее, пёс!

— В стихе говорится, мол, сия дева до глубины души восхищена великим и бесстрашным героем, что держит в страхе все здешние реки и озера, и мечтает служить ему верой и правдой до конца дней своих. Да вот беда — злая судьба разлучила их, и её насильно заперли в трюме грузового судна, так что весь свой век ей, горемычной, суждено провести среди корабельных крыс... — Разбойник сокрушенно вздохнул и с обожанием посмотрел на жоака: — Герой? Да ведь наш командир и есть тот самый великий герой, повелитель рек!

Цао Тунфан от таких речей окончательно размяк и раздулся от спеси, искренне поверив, будто небесная нимфа заочно воспылала к нему неземной страстью.

Если верить написанному, красавица томила в трюме одного из торговых судов. А единственным караваном, который должен был пройти через их сектор в ближайшие часы, были корабли охранного агентства Тянься.

Цао Тунфан поднес рисунок к самому носу и с упоением втянул воздух.

Бумага отчетливо пахла серой — именно тем грузом, который везли купцы Тянься.

Поздней ночью, когда тяжелогруженный караван поравнялся с камышовыми зарослями, банда Цао Тунфана без всякого предупреждения перерезала фарватер и наотрез отказалась пропускать суда, пока им не выдадут заморскую пленницу.

Охранное агентство Тянься вело дела по всей империи, а их верховный владыка обладал столь

колоссальным влиянием и железной хваткой, что его подчиненные на местах отличались изрядной гордостью.

Все пошлины были уплачены сполна, щедрая доля лично в руки Цао Тунфану занесена — с какого перепугу эта портовая шваль вздумала качать права перед своими господами? Какая еще девка на борту? Совершенно очевидно, что этот жадный пес попросту потерял берега и ищет повод, дабы содрать с них побольше звонкой монеты!

В тот самый момент, когда словесная перепалка грозила перерасти в побоище, на втором ярусе главной надстройки судна плавно приоткрылось небольшое резное оконце. Цао Тунфан вскинул голову и обомлел: в проеме стояла та самая небесная дева с картины!

Красавица смотрела на него с невыразимой чувственностью и страстью, хотя её прекрасный лик и был омрачен глубокой скорбью. Стоило ей встретиться взглядом с предводителем пиратов, как её глаза вспыхнули ярким светом искреннего обожания и надежды.

У Цао Тунфана кровь вскипела в жилах, и он с ревом бросился на штурм, требуя отдать ему девицу. Охрана каравана, проследив за его безумным взглядом, обернулась к окну, но там было абсолютно пусто.

Разбойники со стороны Цао Тунфана принялись орать, что если им не выдадут деву, они пустят караван ко дну, как вдруг на носу грузового судна вспыхнул колоссальный пожар. Начался сущий ад.

Огромный караван, привыкший курсировать в столь беспокойные времена, разумеется, имел на борту профессиональных бойцов. Капитан корабля резко взмахнул рукой, и из трюмов на палубу хлынула элитная гвардия в черных одеждах — все как один крепкие, обученные убивать воины.

Увидев это, Цао Тунфан окончательно взбесился. По договору пираты запрещали купцам держать на судах вооруженные отряды в его личных водах — каждый корабль обязана был проходить их заставы «голым», позволяя снимать с себя жирную стружку. Раз агентство нарушило уговор и припрятало тузов в рукаве, значит, пощады не будет! Завязалась кровавая сеча.

Среди бушующего пламени бойцы Тянься внезапно почувствовали, будто им помогают сами боги. Несмотря на то, что численность пиратов превышала их собственные силы в несколько раз, охрана умудрялась держать оборону без единой потери. Заразившись безумной отвагой, они крушили врагов направо и налево, обращая банду Цао Тунфана в паническое бегство и уничтожая их одного за другим.

Когда к рассвету битва наконец утихла, пришло время подсчитывать потери. Лица бойцов Тянься были покрыты вражеской кровью, но сами они отделались лишь легкими царапинами, в то время как банда Цао Тунфана была вырезана под корень.

Остыв от боевого ража, охранники с недоумением переглядывались: как им вообще удалось совершить подобное чудо? Они действительно были настолько сильны?!

Капитан корабля, придя в себя, почуял неладное. Он принялся методично опрашивать матросов, требуя рассказать, что именно они видели в разгар ночного боя.

Один из матросов, стоявший под тем же углом, что и убитый главарь пиратов, с побелевшим лицом пробормотал:

— Мне... мне ведь тоже показалось, будто на верхней палубе мелькнул силуэт невиданной красавицы!

— Да, промелькнул и тут же растаял в дыму!

— Это был мужик! — вдруг гаркнул другой матрос. — Когда я побежал наверх проверять дозоры, внизу как раз началась заварушка. И я своими глазами видел, как какой-то парень сиганул с кормы прямо в воду и скрылся в тумане!

— Да баба это была, точно вам говорю! Когда Цао Тунфан людей калечил, она сверху за всем этим делом наблюдала и улыбалась!

«Неужто мы с речным призраком повстречались?»

У капитана по спине пробежал ледяной пот. Выходило, что из-за какого-то двуликого речного духа они сошлись в смертельной схватке с хозяином здешних вод. Верховный в свое время строго-настрого предупреждал его, что за спиной Цао Тунфана стоят очень влиятельные люди из столицы. Осознав всю тяжесть ситуации, капитан спешно набросал тайное донесение и велел гонцу во весь опор мчаться к главе агентства.

На берегу, среди густых зарослей сухого камыша, Сюэ Фэйфэн неторопливо вытер окровавленный клинок шелковым платком и негромко спросил:

— Где Чан Чань?

Чан Мин тут же подскочил ближе:

— Сестрица велела передать, что у неё объявились неотложные дела в городе, и отбыла восвояси.

Вчера вечером эта бестия ограничилась парой кокетливых взглядов из окна, от которых Цао Тунфан окончательно потерял рассудок, и как только дело было сделано, тут же испарилась.

Что же касается того «нежного и любящего силуэта», что безмолвно и с абсолютно каменным лицом взирает на пиратов с верхней палубы, то это был несчастный Чан Суй, которого старшая сестра насильно притащила с собой в качестве манекена для маскировки.

— Охранное агентство Тянься отлично проявило себя, защищая груз от разбойников. Им непременно следует потребовать от местных властей щедрую награду за ликвидацию банды, — тонко подметил Сюэ Фэйфэн.

О большем говорить не требовалось — подчиненные прекрасно знали свою работу.

— Будет исполнено.

Раз уж они сожгли торговые корабли Тянься, агентству полагалась солидная компенсация. Вот только платить за это должен был вовсе не их генерал из своего кармана, а трусливый окружной чиновник, который годами палец о палец не ударил ради уничтожения пиратов. Эту почетную обязанность Тянься стрясет с властей в лучшем виде, хотя они того или нет.

Сюэ Фэйфэн прищурился:

— Напомни, нынешним наместником провинции Миньчжоу по-прежнему числится Ян Хо?

Чан Мин ненадолго задумался:

— Всё так, господин.

Генерал нахмурился. С этим Ян Хо ему доводилось пересекаться в бытность свою при императорском дворе. Это был на редкость упрямый, прямолинейный и начисто лишенный гибкости чиновник, который, впрочем, не имел злого умысла. Из-за своей неспособности плести интриги и пресмыкаться перед высшими чинами он в конце концов и был сослан в эту глушь.

Такой человек действительно был абсолютно неспособен самолично организовать военную кампанию против пиратов, но он ни за что на свете не стал бы добровольно закрывать глаза на бесчинства Цао Тунфана.

Если только... кто-то очень могущественный сверху не приказал ему сидеть смирно.

— Чан Мин, отныне нам следует утроить бдительность, — пальцы Сюэ Фэйфэна, сжимавшие поводья, побелели от напряжения. — Деревня Лицзяцунь ни в коем случае не должна быть раскрыта.

— Подчиненный всё понимает.

— Вот и славно, — Сюэ Фэйфэн одарил Чан Мина ледяным, красноречивым взглядом. — А раз понимаешь, то проваливай.

Чан Мин жалобно шмыгнул носом:

— Позвольте мне проводить вас до дома, господин!

Его брат Чан Бай сейчас вовсю наслаждался общением с прекрасной хозяйкой, охраняя её покой, в то время как сам Чан Мин из-за поисков старшей сестры огреб от этой безжалостной фурии таких люлей, что у него до сих пор спина ныла. Ему жизненно необходимо было лично узреть картину семейного счастья и любви между генералом и его супругой, дабы хоть немного исцелить свою израненную душу!

Сюэ Фэйфэн отрезал:

— В этом нет нужды.

В свое время он умудрился в порыве страсти напрочь порвать шелковое нижнее белье Шэнь Цинжань. Мужчина планировал поручить Чан Чань тайно скупить в городе целый сундук изящных нарядов в качестве компенсации, да вот только эта бестия сбежала слишком быстро, и он банально не успел отдать приказ.

Генерал смерил Чан Мина взглядом, в котором отчетливо читалось: «И какой от тебя вообще прок в этой жизни?»

Разумеется, поручить покупку столь интимных вещей этому трепачу он ни за что бы не решился.

Сюэ Фэйфэн неторопливо повел коня под уздцы в сторону городского рынка. Его походка была по-прежнему величественной и твердой, но если присмотреться повнимательнее, можно было заметить, что кончики его ушей предательски порозовели.

*

Шэнь Цинжань в полном одиночестве добрался до уездного города. За две свои жизни ему еще никогда не приходилось преодолевать столь огромные расстояния на своих двоих — эта горная тропа казалась бесконечной. Ночью ему пришлось заночевать в какой-то полузаброшенной земляной пещере у тракта, и лишь к полудню следующего дня он наконец выбрался к городским воротам.

Чан Бай следовал за ним тенью, и его сердце кровью обливалось от жалости. Он раз сто порывался выйти из укрытия и на личные сбережения нанять для хозяйки роскошную карету.

Шэнь Цинжань принялся методично обходить одну торговую лавку за другой, продолжая старательно разыгрывать роль немого. Если бы он заговорил вслух, потенциальные покупатели непременно захотели бы навестить его плантацию, и тогда при первой же встрече с Сюэ Фэйфэном его грандиозный обман с немотой с треском бы провалился.

Поэтому парень еще дома аккуратно изложил все свои коммерческие предложения на бумаге и теперь просто молча демонстрировал эти записи владельцам магазинов.

Обойдя несколько крупных заведений, он столкнулся с полнейшим равнодушием. Торговцы лишь качали головами.

Шэнь Цинжань уже начал всерьез подумывать о том, чтобы плюнуть на всё и заговорить своим голосом.

Тем временем Чан Бай, заприметив, что молодая хозяйка отчаянно пытается распродать тот самый сахарный тростник, что лично для неё покупал генерал, пребывав в глубоком замешательстве. Стоит ли ему вмешаться и прекратить это святотатство?

Наша супруга, конечно, женщина на редкость бережливая и экономная, но ведь это подарки самого господина! Где это видано, чтобы дары нашего генерала с молотка пускали?! Да наш командир в деньгах как в сору копается, ему этой меди сто лет не надо!

В голове у Чан Бая окончательно перемкнуло. Дождавшись, пока Шэнь Цинжань выйдет из очередной лавки, он тенью скользнул внутрь, дабы разузнать у хозяина, о чем вообще шла речь. Если купец проявит интерес к товару, стоит ли ему, Чан Баю, тайно перекупить эти сладости назад или пускай всё идет своим чередом?

Когда охранник закончил расспросы и торопливо выбрался на оживленную улицу, его прошиб холодный пот.

Где, черт возьми, супруга генерала?!

Парень бесследно исчез.

В тот момент, когда какая-то незнакомая дородная женщина средних лет мертвой хваткой вцепилась в его рукав и силой утащила в полутемный холл постоянного двора, Шэнь Цинжань не на шутку перепугался.

Не успел он прийти в себя и сообразить, как защищаться, как эта матрона с непередаваемой смесью скорби и нежности уставилась на него:

— Сяо Бао... Мальчик мой, как же ты здесь оказался?

Сяо Бао? Драгоценный крошка?

Шэнь Цинжань впал в полнейший ступор. Спустя пару секунд его заторможенный мозг наконец-то соизволил выдать единственно верную версию: «О боже правый, неужто это его родная матушка?!»

Сердце парня бешено заколотилось. В деревне Лицзяцунь он был всего лишь пришлой молодой невесткой; как бы разительно ни менялся его характер и повадки, деревенские кумушки списывали всё на тяготы замужней жизни. Но с родной матерью такой номер не пройдет! Уж матушка-то знала все повадки прежнего владельца тела вдоль и поперек, куда лучше, чем Сюэ Фэйфэн.

Шэнь Цинжань натянул на лицо самую теплую и любящую улыбку, на какую только был способен:

— Матушка?..

Женщина с размаху отвесила ему легкий подзатыльник:

— Горе ты мое луковое! Хватит уже ломать комедию перед родной матерью. Если есть что на душе — говори прямо, не таись.

— Матушка, — на этот раз куда увереннее выдохнул парень, не рискуя, впрочем, пускаться в долгие объяснения.

Заприметив, что на лице женщины отчетливо читается какое-то странное чувство вины, он окончательно запутался.

Да, госпожа Шэнь действительно пошла на преступный обман, заставив своего единственного сына нацепить женское платье и выйти замуж в глухую деревню, но, учитывая невыносимый и ленивый нрав прежнего Шэнь Цинжаня, этот поступок можно было счесть едва ли не актом величайшего милосердия. Единственным человеком, перед которым эта женщина должна была испытывать стыд, был несчастный Ли Фэн.

Шэнь Цинжань и понятия не имел, что семейство Шэнь приняло твердое решение сорваться с места и уже завтра на рассвете в полном составе уехать в далекие края, причем извещать своего единственного отпрыска об этом грандиозном переезде никто не планировал.

Встретив сына посреди оживленной городской улицы, госпожа Шэнь сперва до смерти перепугалась, решив, что Ли Фэн окончательно раскусил обман и выставил негодника вон, и теперь этот нахлебник снова мертвым грузом сядет на их шею.

В её душе бушевали самые противоречивые чувства: с одной стороны, ей до смерти не хотелось снова кормить и содержать этого лоботряса, но с другой — это ведь была её родная кровь, её дитяtko, которое она холила и лелеяла больше двадцати лет. Сказать, что в её сердце не осталось материнской любви, было бы откровенной ложью.

— Сяо Бао, погляжу я на тебя — ты ж исхудал-то как, одни кости остались! Этот Ли Фэн тебя что, голодом морит? — осторожно закинула удочку женщина.

— Вовсе нет, матушка. Он относится ко мне со всей душой.

— Ну и слава богу, — госпожа Шэнь с видимым облегчением выдохнула и увлекла сына за один

из свободных деревянных столов в общем зале. — Выбирай, чего душа желает, матушка сегодня за всё платит.

Судя по всему, это был их последний совместный обед в этой жизни. Женщина тихонько вздохнула, со смесью грусти и немного прощания глядя на своего ребенка.

От этого пристального, кающегося взгляда у Шэнь Цинжана по коже побежали мурашки. Он никак не мог взять в толк, какая муха укусила его родительницу.

Дабы соответствовать капризному нраву прежнего владельца тела, парень капризно ткнул пальцем в пару самых дорогих мясных блюд в меню, краем глаза отслеживая реакцию матери.

На лице госпожи Шэнь мгновенно отразилось выражение в духе: «Ну конечно, горбатого могила исправит, всё такой же прожора».

Стоило слуге принести заказ, как она принялась усердно подкладывать лучшие куски в пиалу сына, торопя его скорее приниматься за еду.

Впрочем, уровень кулинарного мастерства в заведении, ориентированном на простых работяг, оставлял желать лучшего. Аппетитная на первый взгляд куриная ножка была покрыта столь толстым слоем жирной, лоснящейся кожи толщиной чуть ли не в палец, что под ней колыхалась какая-то полусырая бело-желтая масса. Выглядело это зрелище поистине жутко.

За время, проведенное под одной крышей с Сюэ Фэйфэном, который умудрялся баловать его самыми изысканными вкусами, Шэнь Цинжань успел превратиться в знатного гурмана. Он скорее согласился бы умереть от голода, чем запихнуть в себя это месиво.

Но ведь он сидел прямо перед родной матерью! Стоит ему сейчас проявить брезгливость, и маскировка разлетится в пух и прах!

Госпожа Шэнь удивленно изогнула бровь:

— Что же ты не ешь, сынок? Это ведь твое самое любимое лакомство!

Шэнь Цинжань, пересилив себя, зажмурился:

— Уже ем, матушка...

Под ласковым и любящим взглядом родительницы парень заставил себя откусить кусок. Стоило склизкой, леденящей масляной массе коснуться его рецепторов, как его желудок мгновенно взбунтовался, и Шэнь Цинжана скрутил сильнейший рвотный позыв. Он со звучным кашлем выплюнул кусок обратно на тарелку.

В тихом зале, где остальные посетители мирно и беззвучно поглощали свои порции, этот звук прозвучал подобно взрыву петарды. Буквально все присутствующие обернулись в их сторону.

Молодой трактирный слуга со своего поста смерил парня презрительным взглядом: надо же, вырядился в латаное крестьянское тряпье, а строит из себя благородного господина с нежным желудком, чужую стряпню хает!

Заприметив неодобрительные взгляды толпы, госпожа Шэнь не на шутку перепугалась. Если среди гостей окажется кто-то из их старых деревенских знакомых, слухи о тайном переезде семьи Шэнь могут мгновенно разлететься по округе.

Она поспешно заискивающе улыбнулась и громко замахала руками на весь зал:

— Всё в порядке, почтенные, не извольте беспокоиться! Дело житейское... Наша молодка просто... ребеночка ждет! Беременная она у нас, сами понимаете — от одного вида жирного куска сразу наизнанку выворачивает!

Шэнь Цинжань так и замер с открытым ртом, мысленно поражаясь тому, с какой легкостью его матушка способна сочинять, даже глазом не моргнув.

«Какая, к черту, беременность?! С каких это пор мужики в вашей семье рожать научились?!»

Однако он прекрасно понимал: если он сейчас начнет бурно протестовать прямо на глазах у рассерженного слуги, это нанесет смертельное оскорбление репутации заведения.

Поэтому парню не оставалось ничего другого, кроме как смиренно опустить голову и застенчиво, согласно кивнуть.

Публично, при огромном скоплении народа признать себя беременной бабой... Какой невыносимый, неописуемый позор!

Шэнь Цинжань густо покраснел до самых кончиков волос и уткнулся взглядом в колени, мечтая провалиться сквозь землю.

В этот самый момент на пороге постоянного двора застыл Сюэ Фэйфэн. Его лицо превратилось в абсолютно чистый, белый лист, лишенный каких-либо эмоций. Спустя вечность оглушительного молчания, он медленным, механическим движением вернул поводья в руки подбежавшего слуги, развернулся и молча зашагал к выходу.

Пожалуй, стоит поискать другую таверну.

<http://bllate.org/book/17933/1722941>